

М. Н. РОЗАНОВ

Ж.-Ж. Руссо и демократический идеал жизни

Чествуя память Руссо по случаю исполнившегося двухсотлетия со дня рождения, уместно будет, нам кажется, вспомнить великие заслуги «женевского гражданина» в деле демократизации европейского общества. Ни один из писателей богатого талантами XVIII века не может с ним соперничать в этом отношении. Никто с таким блеском и силою не сражался против аристократических предрассудков и против всего свойственного аристократии миропонимания и уклада жизни, никто не был таким горячим защитником и красноречивым ходатаем меньшей братии, обездоленных классов общества, никто так не прославлял производительного труда, никто с такою убежденностью и увлекательностью не призывал к «опрощению» и соответствующему устройению жизни индивидуальной, семейной и общественной на новых началах.

Демократ с головы до ног не только по своему происхождению и воспитанию в женевской республиканской среде, но и по своим чувствам, воззрениям, вкусам и симпатиям, Руссо настойчиво и последовательно проводил в своих сочинениях новый идеал жизни, шедший «совершенно вразрез с господствовавшим тогда аристократизмом, — идеал демократический. Если доктрина Руссо, его знаменитая «философия», основана, как я старался доказать в другом месте*, на своеобразном сочетании уже до него распространенных тенденций индивидуализма, натурализма и сентиментализма, то главным тоном

* Ж.-Ж. Руссо и литературное движение конца XVIII и начала XIX в. Очерки по истории руссоизма на Западе и в России. Т. I. М., 1910.

его учения, объединявшим разнородные принципы в одно гармоническое целое, тем тоном, который, по французской поговорке, делает музыку, является его яркий и устойчивый демократизм, внесший совершенно новую струю в стремления и настроения просветительного века.

Даже самые передовые люди этой эпохи не могли отрешиться от аристократических предрассудков той салонной культуры, среди которой они воспитались и которая вошла в их плоть и кровь. Известны презрительные отзывы Вольтера о простом народе, который в его глазах был не чем иным, как синонимом «безвкусыя» и «невежества». И не один Вольтер думал так. Подобное отношение к народу глубоко возмущало Руссо. В «Эмиле» (кн. IV) он дает красноречивую отповедь всем «политикам», которые «с таким пренебрежением говорят о простом народе»: «Из народа состоит род человеческий; часть, сюда не принадлежащая, столь незначительна, что ее не стоит и считать. Человек — один и тот же во всех состояниях; а если это так, то самые многочисленные сословия заслуживают и наибольшего уважения. Перед человеком мыслящим исчезают все гражданские различия: он видит те же страсти, те же чувства и в денщике, и в человеке именитом; он видит тут разницу лишь в речи, в большей или меньшей изысканности выражений; а если и есть между ними какая-нибудь существенная разница, то она не служит к чести тех, которые из них скрытнее. Народ выказывает себя таким, каков он есть, но светским людям нужно маскировать себя; если бы они показывали себя такими, каковы они есть, то они возбуждали бы отвращение». Простой народ даже превосходит такие высшие классы: «Изучайте людей этого состояния, и вы увидите, что у них столько же ума и больше здравого смысла, чем у вас, хотя речь у них и иная». «Уважайте же род человеческий, — заключает Руссо, — имейте в виду, что он состоит в сущности из масс простого народа». Не только здравого смысла, но и человеколюбия в народе больше, чем где бы то ни было. «Если вы желаете быть человеком, — замечает Руссо в «Новой Элоизе» (ч. II, письмо 27), — учитесь спускаться вниз. Человеколюбие, подобно чистой целебной воде, оплодотворяет низменные места: оно ищет всегда равнин и оставляет неорошенными те бесплодные скалы, которые угрожают полям и приносят им или вредную тень, или обломки, разрушающие окрестность».

Крестьянство Руссо возвышает над всеми сословиями и считает сельский труд наиболее необходимым и существен-

ным. «Естественное состояние человека, — говорит он в “Новой Элоизе” (ч. V, письмо 2), — обрабатывать землю и жить ее плодами. Это состояние единственно необходимое и самое полезное: оно становится несчастным только в том случае, если другие тиранизируют его своим насилием или соблазняют примером своих пороков. В нем заключается истинное благосостояние страны, сила и величие народа». В «Исповеди» Руссо рассказывает характерный эпизод из своих странствий, побудивший его дать своего рода «Аннибалову клятву» быть постоянным защитником угнетаемого крестьянства. Во время путешествия из Парижа в Лион ему пришлось посетить хижину бедного французского крестьянина, который, из боязни поборов со стороны надзирателей и сборщиков, принужден был припрятывать в погреб все лучшее, что у него было. «Он мне сознался, — продолжает Руссо, — что прячет от них свое вино и хлеб и что он был бы вконец разорен, если бы агенты эти не были уверены, что он умирает с голоду. Все это и многое другое, что он передавал мне, оставило во мне неизгладимое впечатление. Отсюда зародилась у меня та неугасимая ненависть, которая с этих пор наполняет мое сердце, к лишениям, испытываемым несчастным народом, и к его угнетателям».

Наряду с восхвалением земледелия и сельского труда вообще, идет у Руссо реабилитация всякого производительного труда, которого так гнушались верхние слои общества. Выставив положение, что «труд есть неизбежная обязанность для человека, живущего в обществе», Руссо прибавляет, что «из всех занятий, которые могут доставить человеку средства к существованию, ручной труд больше всего приближает его к естественному состоянию: из всех званий самое независимое от судьбы и людей — звание ремесленника» («Эмиль», кн. III). Поэтому изучение воспитанником одного или двух ремесел представляет весьма существенную часть педагогического идеала Жан-Жака. Его Эмиль посещает мастерские, приглядывается к работам, чтобы с детства получить глубокое уважение к полезному физическому труду.

Ученики Руссо развивали его тенденции, еще более подчеркивая великое значение такого труда. Подобные занятия, а также самые орудия производства Себастьян Мерсье прямо уже окружает ореолом святости: земледелие он называет «святым» занятием, а плуг — «священным предметом»¹. В эпоху революции инструменты ремесленного производства фигурировали обыкновенно в торжественных процессиях и сим-

волических празднествах. Так, при перенесении праха Руссо в Пантеон, в октябре 1794 г., среди многих других групп, участвовавших в процессии и символизировавших различные стороны деятельности чествуемого писателя, была также группа ремесленников с своими обычными инструментами в руках и знаменем, на котором было написано: «Il réhabilita les arts utiles»². Другая группа, состоявшая из жителей г. Монморанси, в окрестностях которого Руссо написал три важнейших своих сочинения («Новую Элоизу», «Эмилия» и «Общественный договор»), торжественно несла различные земледельческие орудия как напоминание о заслугах Руссо в деле реабилитации сельского труда.

Применяя свои излюбленные принципы натурализма, индивидуализма и сентиментализма, Руссо постоянно находит, что так называемый простой народ наиболее удовлетворяет вытекающим из этих принципов требованиям и, следовательно, наиболее приближается к типу нормальной и здоровой человеческой личности. Если степень близости к природе является меркою совершенства («Чем ближе к природе, тем лучше» — гласит девиз Руссо) — то ни одно сословие не может поспорить в этом отношении с сельскими обитателями, которые, по условиям своего труда, живут в постоянном общении с природою. Они наиболее удовлетворяют тому идеалу «естественного человека» (*l'homme de la nature*), которым так восхищается Руссо, противопоставляя его «человеческому человеку» (*l'homme de l'homme*), т. е. человеку, испорченному ложной городской культурой.

Если вторым требованием Руссо является развитие индивидуальности, то и в этом отношении он отдает народу полное преимущество перед высшими сословиями. Парижское общество поражает Сен-Пре своим безличием, однообразием, слепою подражательностью, отсутствием самобытности и оригинальности. «В известном возрасте все мужчины одинаковы и все женщины тоже; все эти куклы выходят из одного модного магазина»*. В противоположность обезличенной аристократии, прилагающей все усилия лишь к тому, чтобы как можно больше походить друг на друга, среди крестьян более встречается разнообразия, более индивидуальных характеров**. Не от знания или состояния, к которому человек принадлежит,

* Nouvelle Héloïse. Ч. II, письмо 21.

** Ibid. Ч. V, письмо 7.

зависит достоинство человека, а от степени умения носить высшее из званий — звание человека. «Все, что люди создали, люди могут и разрушить; неизгладимы лишь те черты, которые запечатлевает природа, а природа не создает ни принцев, ни богачей, ни вельмож... Кто теряет корону и умеет обойтись без нее, тот становится выше ее. Из королевского сана, носить который может, не хуже другого, и трусливый, и злой, и безумный человек, он возвышается до звания человека, носить которое умеют лишь немногие люди»*.

Наконец, и третий принцип Руссо, его сентиментализм, приобретает демократическую окраску. Он выдвигается как реакция против холодного рационализма и сухой рассудочности, свойственных наиболее образованным и высшим кругам французского общества XVIII века. Руссо начинает свою проповедь против рассудочности утверждением, что чувство более универсально, более доступно массе людей и более важно для них, чем сухие выкладки рассудка. Чувство, а не разум возвышает человека; поэтому и руководящая роль должна принадлежать чувству, которое является исконным основанием и основным свойством души, дающим тон всему психическому развитию человека. От аристократической рассудочности, являющейся продуктом блестящей по внешности, но холодной салонной культуры, он переходит к культу чувства, язык которого понятен всякой человеческой душе. Кроме того, Руссо выдвигает сентиментализм как прекрасное орудие для возбуждения сострадания и сочувствия ко всем труждающимся и обремененным, страдающим и обездоленным, униженным и оскорбленным. Такой сентиментализм способствовал распространению идеи общечеловеческих симпатий, отрицающей сословные перегородки и сословные привилегии. Так философия чувства тесно связывалась у Руссо с демократической политико-социальной проповедью, с протестом против приниженного положения народа и против его угнетателей.

Таким образом, основные тенденции, на которых базируется доктрина Руссо, не только ничуть не идут вразрез с его демократическими симпатиями, но, напротив, всячески поддерживают и питают их и дают им особенно жизненное содержание.

В подробностях его доктрины, в важнейших очертаниях его философского и общественного мирозерцания постоянно

* Эмилль. Кн. III.

и по всей линии наблюдается торжество того же демократического начала. Принцип «опрощения» применяется здесь в самом широком смысле слова. В противоположность искусственности, условности, исключительности и манерности, свойственных аристократической культуре, здесь проповедуется безыскусственность, естественность, общедоступность и простота во всех сферах жизни.

С такими чертами является, прежде всего, религия Руссо, основанная всецело на непосредственном чувстве и на созерцании чудес творения. Сравните ее с холодным и рассудительным, лишенным истинных элементов веры деизмом Вольтера и вы убедитесь, насколько общедоступнее и понятнее массе религиозное учение Руссо, согретое глубокой верой и привлекательное своей элементарной простотой. То же и в области морали. Руссо основал ее на врожденном нравственном инстинкте, свойственном всякому человеку без различия происхождения, состояния и степени умственной культуры.

Явная демократическая черта проходит и через всю педагогическую систему Руссо. Припомним, что, по его мнению, дети народа, живущие в нормальных условиях деревенской обстановки, ни в каком воспитании не нуждаются: их воспитывает природа и окружающая здоровая среда. Воспитывать нужно лишь детей высших классов, удалившихся от природы и испорченных усвоенною ими ложною культурой. Основная задача воспитания, по «Эмилю», сводится к тому, чтобы сделать из воспитанника «l'homme de la nature», «человека природы», но приспособленного жить в обществе. Для исполнения этой задачи Руссо поселяет Эмиля в деревне, заставляет его вести здоровый образ жизни в близком общении с природой, заниматься физическим трудом, иметь постоянно перед своими глазами народ с его работами и отдыхом, возвращаться в безыскусственной среде простого деревенского люда и т. д. Одним словом, педагогика Руссо проникнута демократическим духом.

То же самое приходится сказать об его воззрениях на искусство и литературу. Искусство и литературу своего времени Руссо прежде всего упрекает в аристократизме со всеми свойственными ему недостатками: сословною исключительностью, чопорностью, чрезмерною изысканностью, далекостью от интересов всего народа, от природы, простоты и естественности. Такое искусство есть порождение дурного, испорченного вкуса, свойственного обособленным кругам, вращающимся в нездоровой атмосфере модных и роскошных салонов. Между

тем «роскошь и дурной вкус — неразлучны». Только такой вкус, по мнению Руссо, хорош, который разделяется наибольшим количеством людей*. Французских комических писателей Руссо упрекает в том, что они копируют нравы сотни парижских аристократических домов и не обращают ни малейшего внимания на пятьсот или шестьсот тысяч парижского населения. Они даже «считают бесчестьем для себя знать, что делается в конторе купца или лавке ремесленника». Можно подумать, что «Франция населена одними графами и шевалье, и чем более народ терпит нищеты и несчастий, тем с большим великолепием и блеском его показывают на сцене»**. Для салонной публики искусство есть простое развлечение и забава, между тем как настоящее искусство, каким оно должно быть, есть для Руссо серьезная и неистребимая потребность человеческого духа и неизбежное проявление его моральной жизни. Таким оно может сделаться только путем полнейшей демократизации: испорченному вкусу аристократических салонов нужно противопоставить здоровый демократический вкус массы народа, способный вынести искусство на путь простоты, естественности, самостоятельности, всеобщности, близости к природе и реальной жизни.

Демократичен у Руссо и идеал личной жизни. Сравнение с Вольтером здесь напрашивается само собою. Вольтеру всегда хотелось быть богатым и жить так, как жили французские аристократы. И мечты его исполнились, если не сразу, то, по крайней мере, в последнюю треть его жизни, когда он успел уже нажить (не только литературным трудом, но и денежными спекуляциями) довольно большое состояние. В это время Вольтер является уже обладателем нескольких прекрасных замков, в которых проживает en grand seigneur, на широкую барскую ногу. Знаменитейший из этих замков, Ферней, с его золоченою мебелью, расписными потолками и дорогими картинами на стенах, роскошью своей обстановки мало уступает родовым владениям французской аристократии. К замку примыкает обширный парк с длинными прямолинейными аллеями подстриженных деревьев, роскошными цветниками и чудными видами на Женеву и ее окрестности.

На страницах «Эмиля» Руссо однажды размечтался о том, как стал бы он жить, если бы сделался богатым. «Я не ста-

* Emile. L. IV.

** Nouvelle Héloïse. Ч. II, письмо 17.

ну, — говорит он, — в деревне строить город и в глубине провинции заводить Тюильери перед своим апартаментом. На склоне какого-нибудь красивого холма, хорошо защищенного от припека, у меня был бы маленький деревенский домик, — белый домик с зелеными ставнями: и хотя соломенная крыша лучше других для всякого времени года, я для блеска предпочел бы ей — но не мрачную шиферную, а скорее черепичную кровлю, потому что у ней более чистый и веселый вид, нежели у соломенной, и потому что на моей родине иначе и не покрывают домов, и это мне несколько напоминало бы счастливое время моей юности. Вместо двора у меня был бы птичник, вместо конюшни — хлев с коровами, чтобы можно было иметь молочные продукты, которые я очень люблю. Вместо цветников у меня был бы огород, а вместо парка прекрасный фруктовый сад».

Как далеко от вольтеровских роскошных замков отстоит этот маленький белый домик с зелеными ставнями! Но и о таком домике только мечтал Руссо. В действительности всю жизнь свою он прожил еще более скромно, считая себя счастливым в непритязательной, хотя и опрятной обстановке, свойственной тогдашним женевским часовщикам, из среды которых он вышел*. Таким образом, и в личной своей жизни Руссо не отступал от демократических принципов, которые играют столь большую роль в его сочинениях.

В области политических теорий никто в XVIII веке не был демократичнее Руссо. Если Вольтер не пошел дальше идей «просвещенного абсолютизма», если Монтескье считал лучшим государственным строем конституционную монархию по английскому образцу, то симпатии Руссо клонились решительно в сторону республиканского устройства. Провозглашенный им в «Общественном договоре» принцип «народного верховенства» составил настоящую эру в области политических и социальных теорий и, начиная с революции 1789 года, вызвал длинный ряд попыток его практического применения.

Демократическая основа руссоизма не сразу была понята современниками. Первых поклонников и поклонниц Руссо нашел в среде французской аристократии, легко усваивавшей идеи просветительной философии вообще и заигрывавшей, несколько неосмотрительно, также с руссоизмом, не давая себе

* Ср. *Gaspard Valette*. Jean Jacques Rousseau Genevois. P., 1911. P. 415 сл.

отчета в глубокой демократичности и оппозиционности этого учения. По наблюдению аббата Морелле, «все казалось тогда таким невинным в этой философии, которая оставалась замкнутою в сфере чистых умозрений и в самых смелых своих выходах никогда не искала ничего другого, кроме мирного упражнения ума»³. Однако мало-помалу, по мере того как стала выясняться истинная сущность руссоизма, аристократия начала охладевать к учению, которое так грозило ее сословным интересам. Тем большим успехом, напротив того, стал пользоваться руссоизм в среднем классе общества, в том обездоленном в правах и много терпевшем от высших классов «третьем» сословии, которому суждено было вскоре выступить на сцену истории. Нельзя лучше Тэна выяснить общие причины, которые обратили представителей средних классов общества в ярых поклонников Руссо. «Можно ли придумать что-либо более соблазнительное для третьего сословия, чем это учение? — замечает знаменитый историк. — Оно дает ему в руки оружие против общественного неравенства и политического произвола, и еще вдобавок гораздо более острое оружие, чем ему требовалось. Могут ли люди, желающие контролировать власть и уничтожить привилегии, найти себе более подходящего и приятного наставника, чем этот гениальный писатель, этот могучий мыслитель, этот страстный оратор, устанавливающий естественное право, отрицающий всякое историческое право, провозглашающий равенство людей, требующий для народа похищенной у него верховной власти и обнаруживающий на каждом шагу всю узурпацию, все пороки, всю бесполезность и весь вред сильных мира сего и королей? — А я опустил еще те черты этого автора, которые делают его особенно сочувственным для сыновей трудолюбивой и строгой буржуазии, для новых людей, возвышающихся путем настойчивого труда, а именно — его постоянную серьезность, его горький и могучий тон и те похвалы, которыми он осыпает простоту нравов, семейные добродетели, личную заслугу и мужественную энергию; одним словом, это плебей, говорящий с плебеем. Что же удивительного, что они выбирают его своим руководителем и принимают его учения с тою страстною верою, которая называется энтузиазмом и которою всегда сопровождается первая идея, как и первая любовь!»*

* Тэн И. Происхождение общественного строя современной Франции. СПб., 1880. С. 415.

Под демократическим знаменем Руссо и сражалось третье сословие, когда ринулось в борьбу за права человека, сливая свои интересы с интересами широких масс населения. Это знамя выкидывалось не раз и впоследствии, когда дело шло о свободе, о равноправии, о социальных и политических реформах. И в XIX веке сочинения Руссо не переставали исполнять свою миссию, состоящую в демократизации настроений, чувств и убеждений и немолчной проповеди идей социальной справедливости. Не входя в подробности, выходящие далеко за пределы настоящей краткой заметки, я ограничусь тремя примерами, взятыми из разных эпох и разных стран. Я назову лишь Байрона, Жорж Занд и Толстого, трех писателей мирового значения и несомненных учеников Руссо, как ни различны они между собою. И английский певец мировой скорби, и французская романистка-романтик и «великий писатель земли русской» сошлись в своих неизменных симпатиях к автору «Эмиля» и «Новой Элоизы», у которого они научились более, чем у кого-либо другого, горячо любить народ, близко к сердцу принимать его интересы и всегда выступать в его защиту.

